

ПИНСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863-1864 ГОДОВ

А.Л. Ильин

В XIX веке территории Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины стали ареной ожесточенной борьбы между польской и русской культурами. Особенно эта борьба обострилась накануне, во время и сразу после восстания 1863-1864 гг. Одними из центров культурной и политической борьбы стали местные учебные заведения, прежде всего гимназии. Этот вопрос по конкретным гимназиям специально не изучался польскими, российскими, белорусскими историками. Рассмотрим его на примере Пинской гимназии.

С приходом к власти императора-реформатора Александра II началась новая эпоха в российской истории, которая дала мощный импульс развитию образования и культуры по всей империи, в частности и в полесском городке Пинск. 1 августа 1858 г. там, на месте упраздненного дворянского пятиклассного училища, была открыта мужская гимназия – первая на Пинско-Брестском Полесье. Вначале в ней преподавали бывшие учителя дворянского училища. Директором еще два года оставался прежний – Константин Игнатьевич Ган. Почетным смотрителем был Петр Иванович Хруцкий, инспектором – Павел Алексеевич Овчинников (одновременно преподаватель русской словесности), законоучителем православной религии – протоиерей Василий Грудницкий, а католической – ксендз Фелициан Радивон.

В начале своего царствования Александр II проявлял некоторый либерализм по отношению к полякам: в гимназиях нашего края в 1857 г. разрешили ввести такой предмет как польский язык (остальные дисциплины преподавались на русском языке). В Пинской гимназии польский язык преподавал Людвиг Осипович Андрыхевич. Среди учителей Пинской гимназии было много поляков (по всему Виленскому учебному округу 55% преподавателей являлись поляками), например, учитель математики Константин Ержилович, учитель истории Карл Вельц и др. А гимназистов поляков-католиков насчитывалось в пять раз больше, чем православных. Поэтому гимназия превратилась в один из главных очагов польского патриотизма в городе. Видя это, руководство учебного округа в 1860 году прислало нового директора,

русского по происхождению, Ивана Яковлевича Шульгина (1815-1871 гг.), который перед тем работал инспектором Каменец-Подольской гимназии, где зарекомендовал себя последовательным русификатором. Он был также автором нескольких книг по педагогике и учебных пособий. Однако И. Шульгину несколько не повезло на новом месте службы.

В 1861 г. в Российской империи резко изменилась политическая обстановка: было уничтожено крепостное право, начались либеральные реформы, что вызвало определенные надежды в польском обществе. Император готов был идти на значительные уступки. Но, на наш взгляд, в результате союза (вольного или невольного) крайних петербургских консерваторов и радикальных польских деятелей попытка реформ в Царстве Польском была сорвана. Там началось массовое мирное движение за национальное и социальное освобождение, которое российскими властями жестоко подавлялось, особенно в Варшаве.

Эхо этих событий (моральная революция) докатились и до Пинска: во время богослужений в костеле собравшаяся публика пела польские патриотические песни, а перед костелом поставили два деревянных креста с польскими гербами. В этих манифестациях принимали активное участие и гимназисты: 4-го октября 1861 г. ученики 6-го класса Антон Шоманский и Антон Рыдзевский пели патриотические песни, за что были исключены из гимназии. Остальные ученики 6-го и 7-го классов, желая отстоять исключенных товарищей, самовольно оставили урок в присутствии окружного инспектора Виленского учебного округа, за что 31 ученика исключили из гимназии. 27 октября 1861 г. в городе Пинске случился пожар, прибывшие на место происшествия исправник и городничий увидели собравшуюся там толпу учеников гимназии с палками в руках, которые угрожали их убить.

10 ноября 1861 г. попечитель Виленского учебного округа, князь Александр Ширинский-Шихматов доносил минскому губернатору, графу Эдуарду Келлеру:

«От 27 октября за № 437 Ваше Сиятельство уведомили меня по эстафете о происшедших в последнее время беспорядках в Пинской гимназии.

О тех же беспорядках получено было мною по эстафете и от Пинского директора училища донесение, с присокуплением (так в тексте – прим. А. И.) еще и того обстоятельства, что ученики 6 и 7 классов, к довершению дерзости и своеволия ими оказанного, отказались посещать классы, по случаю исключения из гимназии двоих из них.

Рассмотрев подробно означенное донесение, я предложил статскому советнику Шульгину, привести в исполнение нижеследующее:

1. Инспектору гимназии коллежскому советнику Овчинникову не оправдавшему оказанного ему назначением в эту должность доверия, сделать от моего имени выговор, лишить его звания инспектора и озаботиться немедленным отправлением его в Белостокскую гимназию на место старшего учителя Русского языка.

2. Учителя географии Селенса, оказавшимся уже виновным по расследованию в Паневежеских происшествиях и уволенному властью данную Генерал Губернатору, уволить от службы без прошения.

3. Всем членам Педагогического Совета гимназии за исключением учителя Солнцева и тех которых директор Шульгин знает действующими добросовестно – передать от меня строжайший выговор за неисполнение ими своих обязанностей, согласно требованием чести совести и присяги, и объявить им, что если кто-либо из них оставаясь на службе, дозволит двусмысленные поступки или уклонение от исполнения обязанностей, тот немедленно будет, судя по степени вины, или переведен в уездное училище, или исключен из службы.

4. Учеников VI и VII классов, за произведенные ими беспорядки, имеющий характер своеволия и буйства, и за отказ ходить в классы, исключить из гимназии, за дурное поведение, что и обозначить в свидетельствах.

5. Если решения Педагогического Совета гимназии, (который в предписаниях моих директорам гимназий найдет полную инструкцию, как следует ему действовать) окажутся впредь не соответствующими моим распоряжениям, назначать директору своей властью исключение учеников, не стесняясь числом их, и протоколы Совета с отдельными мнениями членов, представлять мне. ный университет (г.тцатет (Минск, Беларусь).

Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить Вас Милостивый Государь не отказать предложить Пинской полиции о немедленной высылке из Пинска как учителя Селенса, так и исключенных учеников, с воспрещением сим последним носить ученическую одежду. Тех же учеников, родители коих живут в Пинске, покорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать отдать на поручительство родителей, с тем однако условием, чтобы исключенные дети их не носили ученической одежды и не имели никакого сношения с учениками, а в случае неисполнения ими сих условий и они должны подвергнуться высылке из города в места по указанию родителей, к тому же присоединяю еще покорнейшую просьбу немедленной высылки, проживающего ныне в Пинске, Саноцкого, как главного подстрекателя учеников, с воспрещением ему приезда в этот город»¹.

Из этого письма следует, что некоторые учителя, в частности Селенс, попытались воспрепятствовать исключению учеников. Верный служака, директор гимназии Шульгин и его помощник, учитель русского языка Гавриил Степанович Солнцев рьяно и даже жестоко стали подавлять любые попытки возмущения учеников. Показателен случай с учеником Ксаверием Остроменцким, о котором 2 декабря 1861 г. пинский уездный предводитель дворянства, князь Эдвин Друцкий-Любецкий писал минскому губернскому

¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 1434. Л. 102-103.

предводителю дворянства Александру Лаппе (князь, наверно, надеялся, что известный минский либерал поможет):

«Ксаверий Остроменцкий ученик N класса Пинской гимназии, вследствие жестокого (...) не менее наказания директора гимназии Шульгиным сильно избитым так, что взявшие его на попечение помещики Родзевичи считали необходимым, до приезда в Пинск родного его брата помещика Гродненской губернии Михаила Валерьянова Остроменцкого, у которого ученик Остроменцкий состоит в опеке, просить уездного врача о состоянии здоровья Ксаверия Остроменцкого закончить медицинский акт (...). Помещик Михаил Остроменцкий прибыл в г. Пинск и, удостоверившись (...) вышел ко мне с прошением, в котором пояснил, что брат его Ксаверий Остроменцкий во время урока что-то говорил к товарищу своему Жилинскому, в это время вошел в класс г. Директор, спросил учителя Богдановича, кто здесь шумит и Богданович указал ученика Жилинского, верно по ошибке или не понял вопроса, ибо как все доказывают, в классе все было спокойно. Когда же г. Директор прогнал Жилинского из класса, то Остроменцкий пошедший к г. Директору и, объяснив о происшедшем, просил, чтобы он в таком случае считал его виновником, а не Жилинского. Вследствие сего Жилинский исключен из гимназии, а Остроменцкий посажен в Карцер и там жестоко наказан до сорока ударов розгами, без постановления Педагогического Совета и при помощи пяти человек по бывшей части лиц посторонних.

Помещик Остроменцкий находя невозможным оставить брата своего дальше обучаться в гимназии, Начальник которой не соблюдает законов и не обращает должного внимания на детей (...)»².

Когда помещик Станислав Орда привез своего сына на учебу в гимназию, то Шульгин потребовал, чтобы тот подписал бумагу о том, что не против телесных наказаний своего сына. Помещик отказался подписывать бумагу. Польское население Пинска и его окрестностей было возмущенно такими жестокими действиями Шульгина и его помощников. По ночам стали бить стекла в домах Шульгина и Солнцева. Для расследования этого происшествия в Пинске была открыта особая Следственная комиссия, которая стала допрашивать подозреваемых: Владислава Яниславского (бывшего ученика Пинской гимназии, жившего в деревне Поречье при тамошней суконной фабрике), Петра сына Юлиана Матушевича (18 лет, ученик 7-го класса), Петра сына Ивана Корвин-Круковского (18 лет, ученик 7-го класса), Антона Шоломицкого из Ровенского уезда, Витольда Ярошевича (бывшего ученика) из Кобринского уезда, Сигизмунда Мошинского из Слонимского уезда, помещика Цезария Олешу и др. После всех этих событий Шульгину и Солнцеву стало даже опасно находиться в Пинске. Поэтому начальство срочно назначило Ивана Шульгина директором Мозырской гимназии.

² НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 384. Л.1.

Интересен взгляд на эти события и со стороны российского чиновника. Вот как описывал все эти события попечитель Виленского учебного округа, историк Помпей Батюшков (1811-1892) в «Записке о враждебных отношениях в Виленском учебном округе к русским деятелям» (1868 г.):

«(...) В главе удаленных находится помощник попечителя г. Ш. (Шульгин – прим. А. И.). Он прослужил по учебному ведомству 28 лет, из коих 12-ть в Виленском у. округе. За эти последние годы, в качестве директора училища (гимназии – прим. А.И.) в Пинске и Мозыре, г. Ш. выстрадал подготавливание, начало и развитие, а в г. Ковне весь процесс подавления польского мятежа. В глуши названных городов Минской губернии, отдаленных от центральной администрации болотами и лесами обширного Полесья, положение г. Ш. и семьи его, в 1862 году, было тем более опасно и бедственно, чем решительнее он противостоял польским демонстрациям и чем вернее был своему долгу и стоял за честь русского имени.

Ограниченный в своих распоряжениях узаконенным участием Педагогического Совета гимназии, состоявшего почти исключительно из учителей польского происхождения и лиц с полякующихся (так в тексте прим. – А. И.) русских, которые открыто проповедовали мятеж и вербовку гимназистов в шайки, г. Ш. мог только делать личные, без участия Совета, представления начальству, но и эти представления уничтожались часто почтовыми чиновниками-поляками или доходили по назначению, в виде свернутых листов чистой бумаги. Это факты. Просьбы г. Ш. к полиции и к гражданской власти об оказании помощи, при нападении мятежников на его дом, оставлены были без внимания: это тоже факт.

Между тем, агитаторы мятежа преследовали несчастного директора непрерывно каждое утро, на дверях его квартиры были приклеиваемы (так в тексте – прим. А. И.) пасквили и угрозы, каждый вечер ему, семейному человеку, приходилось укрываться в какой-нибудь угол своей квартиры от каменев (так в тексте – прим. А.И.), которыми разбивали в ней рамы и стекла. Каждую почти почту писались на него безыменные доносы в Петербург и Вильну. Даже ежедневные посещения классов г. Ш. равнялись ежедневному акту решительности покинуть семью на произвол судеб и идти на вольную смерть. В трех верстах от Пинска целых пять дней стояла открытая могила, приготовленная ему известными в городе мятежниками, ожидавших выхода его из церкви после всенощной, чтобы увезти его за город и там с ним покончить, и г. Ш. спася только потому, что был вовремя предупрежден архимандритом местного монастыря, узнавшего, что подле стен монастырских, находятся крытые повозки и замаскированные при них люди.

Несколько раз и после того были покушения на жизнь г. Ш-на. При переезде из Пинска в Мозырь он спасся тем, что поехал не на лошадях, а на пароходе. Гиком, свистом, ругательствами и камнями проводили поляки этот пароход. Во время переезда в Ковну, решено было умертвить г. Ш. в лесу, через который приходилось ехать. Предупрежденный об этом он избежал

смерти тем, что тайком выехал двумя днями раньше, чем ожидали. Но мятежники пустились за ним в погоню, узнав о его отъезде и не нагнав его, сожгли станцию Ляды; избили русского станционного смотрителя и увели всех почтовых лошадей...

Тяжело не только выносить, но даже пересказывать как русский начальник целой учебной дирекции, честный исполнитель своего долга, свято стоявший на страже священных своих обязанностей, неустрашимо подвергавшийся ежедневной опасности жизнь свою и своего семейства, но поставленный в совершенную незащищенность, принужден был избегать смерть хитростью, прятаясь от изменников и убийц. Наконец, г. Ш. перевелся в Ковну; здесь было несколько лучше, но и в Ковне было так небезопасно, что распоряжением военных властей у дверей каждого класса тамошней гимназии, стояли по два часовых...

Продолжительность незаслуженных и непрерывных нравственных страданий свела в раннюю могилу некоторых из членов семейства г. Ш. и совершенно разрушило здоровье его жены... Кроме усилий доблестно отстаивать, среди неодолимых препятствий честь русского имени и спасти, по крайней мере, русское юношество ему вверенное от революционной польской заразы, наглядными памятниками служения г. Ш. русскому делу, остались в Мозыре городской соборный храм (начатый перестройкою по его инициативе и ходатайству в Св. Синод), а в Ковно гимназическая церковь им же устроенная и украшенная. Оба храма перестроены из костелов, упраздненных после мятежа 1831 года, и предназначенных на слом. Сверх того, во всех городах, где служил г. Ш. составлены им стройные певческие хоры из учеников гимназий и православная церковность глубоко заложена в основы воспитания детей.

Исключительные условия прошлой, тяжелой и честной службы г. Ш., его бесспорные заслуги на скромном поприще директора гимназии и польза, которую можно было ожидать (и которую он в действительности принес) при определении его на высшую должность, служили мотивами к представлению ему в 1868 году место помощника Попечителя. Состоя в этой должности г. Ш., в отсутствие Попечителя из Вильны, девять раз управлял учебным округом. Так как никаких жалоб, никаких неудовольствий за его управление ни с какой стороны, никем не было заявлено, то неожиданное удаление из округа этого достойного человека не могло ни породить чувство глубокого сожаления у здешнего, день ото дня рedeющего, русского общества, тем более, что удаление это, как слышно, мотивировано: «скоплением в центральной администрации учебного округа каких-то «неуловимых идей», компрометирующих будто-бы как г. Ш., так и многих его товарищей по службе»³.

Шульгин преподавал в Пинской гимназии латинский и греческие языки, ходил на уроки с револьвером в кармане. Когда Шульгин был директором

³ Российская Национальная Библиотека. Отдел рукописей. Ф. 52. № 53. Л. 3-5.

Ковенской гимназии, то у него проявился интерес к истории Литвы. Он выслал известному государственному деятелю Ивану Корнилову 22 древнерусских документа (вероятно, эпохи Великого Княжества Литовского), доказывающих существование русских поселений и употребления русского языка на Жмуди. Отметим также, что в 1868 году Шульгину всемилостивейше было пожаловано имение «Швенты» под Вильной.

Летом 1862 года после бегства Шульгина исполняющим обязанности директора Пинской гимназии был назначен пинский директор училищ Карл Филиппович Вронский (?-1886 г.), довольно известный педагог, один из первых преподавателей Литовской духовной семинарии, близкий к кругу тех деятелей униатской церкви, которые ее затем уничтожили. Вронский получил тяжелое наследство: 31 гимназист был исключен, после жестокого обращения Шульгина с учениками большинство родителей-поляков забрали своих детей из гимназии. Думается, что положение было настолько критическим, что еще Шульгин просил начальство о разрешении исключенным ученикам вернуться в гимназию, а также воздействовать на родителей, чтобы те вернули своих детей в гимназию. Вскоре попечитель округа разрешил большинству исключенных учеников вернуться в гимназию. 19 сентября 1862 г. Вронский направил в канцелярию попечителя округа соответствующие списки отсутствующих учеников:

«Во исполнения предписания Вашего Высокородия от 5 сентября сего месяца за №75, представляя, при сем, в дополнение к рапорту от 3-го числа сего месяца список учеников, взятых родителями из Пинской Гимназии по случаю сделанным учениками шалостей, и список учеников удаленных из заведения. (...)

А) Список учеников взятых из Гимназии родителями в Ноябре и Декабре месяцах 1861 года.

І класса

1. Андржейкович Станислав – не явился.
2. Чеховский Станислав – принят в августе м-це сего года
3. Остроменцкий Феликс – принят в августе м-це сего года
4. Пружанский Иван – принят в августе м-це сего года

ІІ класса

1. Корженецкий Эдуард
2. Олевинский Карл
3. Терлецкий Иван
4. Фальковский Станислав
5. Фальковский Адольф
6. Хруцкий Андрей
7. Чарноцкий Адам

Все приняты б. Директором на основании разрешения Г. Попечителя от 21 января 1862 года за №327

III класса

1. Горнич Осип – не явился
2. Корженецкий Вацлав – не явился
3. Конопацкий Владислав – не явился
4. Красковский Фёдор – не явился
5. Леневиц Леопольд – принят б. Директором на основании разрешения Г. Попечителя от 31 января 1862 года за №185
6. Олевинский Калесантий – «—«—
7. Орда Лев – «—«—
8. Пацукевич Генрик – «—«—
9. Пружмецкий (?) Генрик – «—«—
10. Мороз Эдуард – «—«—
11. Чеховский Юрий – не явился

IV класса

1. Жиромский Станислав – не явился
2. Де Лерзак Казимир – не явился
3. Сердаковский Георгий – принят б. Директором в феврале м-це
4. Подлеский Викентий – принят б. Директором в феврале м-це
5. Двораковский Наполеон – не явился
6. Родзевский Семен – принят б. Директором в феврале м-це 1862 г.

V класса

1. Орда Эдуард – не явился
 2. Полонский Брунон – принят в августе м-це 1862 г. б. Диретором
 3. Шпиганович Осип – не явился
 4. Остроменцкий Ксаверий – не явился
- Б) Список учеников, которые по неодобрительному поведению исключены из Гимназии

Менее виновны 2-й категории

VI класса

1. Малишевский Станислав – принят по разрешению Г. Попечителя от 1 июня сего года за №1870
2. Ремберович Генрик – «—«—
3. Янковский Карл – не явился
4. Боричевский Осип – принят по разрешению Г. Попечителя от 13 декабря 1861 года за №185
5. Мошинский Сигизмунд – «—«—
6. Кордашевский Ипполит – «—«—
7. Лешкевич Норберт – не явился
8. Красковский Георгий – не явился
9. Козляковский Казимир – не явился

VII класса

1. Блашкевич Иван – принят по ходатайству б. Директора
2. Сулковский Антон – принят по ходатайству б. Директора
3. Мороз Александр – тоже
4. Пружанский Осип – тоже
5. Крамаренко Константин – не явился
6. Эйсмонт Казимир – не явился

В) Более виновные 1-ой категории

V класса

1. Жилинский Бронислав

VI класса

1. Шпаковский Виталий
2. Шоманский Антон
3. Збарашевский Осип
4. Ярошевич Мечислав
5. Глинский Зенон
6. Яниславский Владислав
7. Селицкий Александр – не явился
8. Родзевский Антон – не явился
9. Корсак Витольд – не явился
10. Корсак Эдуард – не явился
11. Наркусский Болеслав – не явился
12. Мошинский Сигизмунд

VII класса

1. Круковский Петр
2. Матушевич Петр
3. Сикорский Владислав – не явился
4. Супинский Наполеон
5. Ярошевич Витольд»⁴.

Проблема наполняемости классов в Пинской гимназии оставалась нерешенной. Поэтому попечитель округа обращается к виленскому генерал-губернатору Владимиру Назимову, чтобы тот разрешил оставшимся исключенным ученикам вернуться в гимназию. 30 сентября 1862 г. генерал дал на это разрешение:

«Вследствие переписки Министерства Народного Просвещения, изъясненной в отзыве ко мне Управляющего Виленским Учебным Округом от 20 сентября за №80-м, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что с моей

⁴ НИАБ. Ф. 567. Оп. 3. Д. 1115. Л. 7-9.

стороны не встречается препятствие на дозволение продолжать курс наук тринадцати ученикам, исключенным из Пинской гимназии в прошлом году, за участие в противоправительственных манифестациях и беспорядках, но во всяком случае только не в той же гимназии, разумеется, если Ваше Сиятельство и с Вашей стороны находите возможным, оказать такое снисхождение во внимание чистосердечного раскаяния сих учеников и на условиях, которыми Гимназия предполагает обязать их относительно поведения.

К сему поставляю долгом присовокупить, что предполагаемые к установлению на будущее время условия, по мнению моему, следовало бы предложить не ученикам, которые в прошедших беспорядках участвовали по свойственному детям легкомыслию, но родителям их, и дворянству, под влиянием коих они действовали⁵.

Вскоре Карла Вронского назначили директором гимназии, но ему не везло: только он с трудом решил проблему, связанную с беспорядками в гимназии, как в январе 1863 г. началось польское восстание. Опасаясь новых волнений среди гимназистов, виленский генерал-губернатор предписал «командировать» из войск в каждую гимназию одного штаб-офицера и 10 унтер-офицеров, чтобы они присутствовали в учебных зданиях с 8 часов утра до 3 часов дня. В феврале 1863 г. из Подляшья в Полесье вторгся довольно большой повстанческий отряд Романа Рогинского. С боями отряд смог подойти почти до местечка Туров (170 верст на восток от Пинска).

К повстанцам присоединились учитель гимназии Остроменцкий и ученик 5-го класса Владислав Круликовский. Позднее выявилось участие в восстании еще 8 учеников. Наверно, к повстанцам могло бы присоединиться намного больше гимназистов, но Пинский уезд был наводнен русскими войсками, которые перекрывали пути подхода к отрядам Ромуальда Траугутта, Казимира Нарбута, Яна Ваньковича, Феликса Влодека и др., действовавших на Полесье.

Многие гимназисты после летних каникул не вернулись на учебу в сентябре 1863 года, хотя их отпускали домой под поручительство родственников или опекунов. Очевидно, что многие из них сражались в повстанческих отрядах. Например, братья Владислав и Никодим Левицкие 22 июня 1863 г. присоединились к отряду Казимира Нарбута. Дирекция от гимназистов, вероятно, еще требовала подтверждение местной полиции о том, что они никуда не отлучались из мест проживания. Директор Карл Вронский составил для начальства список таких учеников.

«Список учеников Пинской гимназии, которые были отпущены на летнее вакационное время и не возвратились после этого в заведение в 1863г.

VI класс

Броневич Антон – 19 лет, Пинского уезда в м. Кожангородке, после вакации явился, но за непредоставление полных документов не принят.

⁵ НИАБ. Ф. 567. Оп. 3. Д. 1115. Л. 13.

V класс

Каллаур Оттон – 20 лет, Пинского уезда имение отца Осовцы, поручался отец.
Дановский Антон – 18 лет, Кобринского уезда имение Винче, поручался отец.
Левицкий Владислав – 17 лет, Пинского уезда в имении Сенчицы, поручался дядя его Левицкий.

Домбровский Генрих – 19 лет, Пружанского уезда в имении Лясковичи, поручался отец его.

IV класс

Подлеский Викентий – 17 лет, Пинского уезда имение Данилово, поручался отец.

Каллаур Степан – 20 лет, Пинского уезда в имении Осовцы, поручался отец.
Барановский Онуфрий – 16 лет, Пинского уезда в м. Столин, поручался отец.
Качальский Ульян – 17 лет, Кобринского уезда в имении Стругель, поручался отец.

Качальский Константин – 16 лет, Кобринского уезда в имении Стругель, поручался отец.

Костро Ульян – 16 лет, Кобринского уезда в имении Дывино, поручался отец.

Селицкий Аполинарий – 15 лет, Пинского уезда в имении Обайцы, поручался брат его Селицкий.

Коротун Константин – 18 лет, Кобринского в имении Петрово, явились после вакаций, но за непредоставление поручительства не приняты.

Горбатовский Алоизий – 17 лет, Мозырского уезда в Давид-Городке, явились после вакаций, но за непредоставление поручительства не приняты.

Водчиц Адольф – 17 лет, Пинского уезда в имении Велесница, явились после вакаций, но за непредоставление поручительства не приняты.

III класс

Панцевич Чеслав – 15 лет, Кобринского уезда в имении Янов, поручался отец.
Жардецкий Лев – 14 лет, Кобринского уезда в имении Мальниеве, поручалась мать.

Доманский Мечислав – 14 лет, Пинского уезда имение Ярмаки, поручался отец.

II класс

Левицкий Никодим – 16 лет, Пинского уезда в имении Сенчицы, поручался отец.

Венцель Антон – 13 лет, в г. Пинске у отца. На основании циркулярного предписания Г. Начальника края ученики, не имеющие основных 14 лет уволены от дачи на себя поручительства.

Лазаревич Юльян – 14 лет, Пинского уезда в имении Заполье.

Бельский Эдуард – Пинского уезда в имении Морочно.

Бельский Витольд – 11 лет, Пинского уезда в имении Морочно.

Глинский Степан – 12 лет, опекун в г. Пинске
Гецолд Иван – 13 лет, Пинского уезда в имении Рухче
Гриневицкий Болеслав – 13 лет, Пинского уезда в имении Оброво.
Зубковский Бронислав – 17 лет, мать в г. Пинске, поручилась мать.
Магушевич Павел – 13 лет, Кобринского уезда в имении Ручки.
Пуришко Леонард – 14 лет, Кобринского уезда в Балькунах.
Пружанский Иван – 13 лет, Кобринского уезда в Бьялькове.

I класс

Езерский Антон – 12 лет, Пинского уезда в Подгатье.
Венцель Осип – 11 лет, в г. Пинск.
Скирмунт Викентий – 13 лет, Пинского уезда в имении Поречье.
Верещака Карл – 11 лет, Кобринского уезда в Планте.
Закржевский Осип – 13 лет, Кобринского уезда в Брилев.
Лукашевич Николай – 11 лет, Пинского уезда в Плотнице.
Магушевич Виктор – 12 лет, Кобринского в имении Ручки.
Полубинский Виктор – 12 лет, в г. Пинск.
Ящолт Иван – 12 лет, дядя в г. Пинске.
Шимкевич Генрих – 11 лет, Пинского уезда в Осовцах.
Михаловский Альфонс – 13 лет, в г. Пинске.
Войнилович Болеслав – 11 лет, Пинского уезда в имении Пржехлавы (?)»⁶.

После подавления восстания для Пинской гимназии, как и для всех учебных заведений западных губерний, наступили непростые времена. Белорусский историк Е. Евдокимова пишет: «В событиях восстания активное участие приняли 8,4% воспитанников гимназий Беларуси. Широкая поддержка инсургентов учащими (так в тексте – прим. А. И.) и учащимся школ края показала безуспешность используемых ранее правительством средств по искоренению «польских начал в учебном деле». Недавние высокие оценки правительства деятельности гимназий Беларуси сменились отрицанием их какой-либо положительной роли. (...)»

После подавления восстания в западных губерниях правительство разработало систему мероприятий, направленных на деполонизацию местных школ. Возглавили проведение нового этапа русификации училищ края генерал-губернатор М. М. Муравьев и попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов. (...) Большую роль в русификации края Муравьев отводил учебным заведениям и, прежде всего, гимназиям. Попечитель Корнилов, подобно Муравьеву, основную задачу своей деятельности видел в «возрождении русского дела» в Северо-Западном крае и был убежден в том, что именно школа должна возглавить «нравственную борьбу с полонизмом»⁷.

⁶ НИАБ. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁷ Евдокимова Е. Гимназическое образование в Беларуси: Исторический опыт и тенденции развития (XIX – нач. XX в.). Минск, 1998. С. 30.

Идеи Муравьева и Корнилова поддержал и новый министр просвещения, граф Дмитрий Толстой, который писал, что «разумное направление народного образования может служить здесь самым успешным средством к прочному обрусению этих (северо-западных – прим. А.И.) губерний»⁸. «Таким образом, – полагает Е. Евдокимова, – гимназии в числе других учебных заведений Беларуси вновь были втянуты в реорганизацию, отвечавшую политическим и отнюдь не образовательным целям»⁹.

4 апреля 1864 г. генерал-губернатор граф Михаил Муравьев запретил преподавание польского языка во всех учебных заведениях Виленского учебного округа. Главным экзаменом, определяющим степень подготовки гимназистов к поступлению в университет, стал экзамен по русскому языку. Кроме того, было введено чтение молитвы перед уроками учениками римско-католического исповедания на русском языке; преподавание Закона Божьего для тех же лиц стало проводиться также на русском языке.

Для замещения учительских должностей в гимназиях лицами русскими и православными учреждены были в Московском, Казанском и Харьковском университетах 60 стипендий на историко-филологических и физико-математических факультетах. Сверх того, с 1864 г. ассигновано было 50000 рублей на добавочное жалованье в размере половинных окладов учителям русского происхождения и уроженцам прибалтийских республик. Для привлечения новых, верноподданных учителей им платили также двойные прогонные, освобождали от оплаты квартиры, топлива и освещения.

Так шесть пинских учителей польского происхождения были заменены на православных, которые закончили лучшие российские университеты. Виктор Сильч Синегуб (Киевский университет) преподавал русский язык и словесность, Василий Михайлович Хижняков (Киевский университет) – историю, Константин Аверкиевич Пигулевский (Казанский университет) – физику, химию и естественную историю, Дмитрий Егорович Шухов (Московское Строгановское училище технического рисования) – рисование и черчение. Отметим, что учитель рисования Шухов, по заданию попечителя Корнилова, ездил по Полесью для сбора рукописей и книг, подтверждающих исторически русский характер края, а также для зарисовки православных святынь.

Однако квалифицированных учителей все-таки не хватало. Так, математику преподавал отставной штабс-капитан инженерных войск Сергей Максимович Самусь. Резко уменьшилось в гимназии количество учеников-поляков, а число православных учеников сравнялось с числом католиков. Этому способствовало и выделение крупных сумм денег графом Муравьевым для обучения беднейших учеников православного исповедания. Вводились также жёсткие меры контроля за учащимися:

⁸ Извлечение из всеподданнейшего отчёта Министра Народного Просвещения за 1867 год // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. № 3. С. 60.

⁹ Евдокимова Е. Указ. соч. С. 30.

1) Введены были обязательные письменные поручительства благонадежных лиц за учеников гимназии. За нарушение с поручителя брался штраф от 100 до 200 рублей серебром.

2) Введен был строгий надзор за ученическими квартирами. Содержание ученических квартир позволено только благонадежным лицам православного исповедания. Все квартиры распределялись между учителями для более частого их посещения и непрерывного надзора.

3) Учителей обязали следить за тем, чтобы воспитанники в гимназии и вне ее разговаривали между собой только по-русски.

Для более прочного закрепления русских начал у учащихся была создана ученическая библиотека, состоящая из книг русско-православного содержания, а также на втором этаже здания гимназии устроили домовая церковь. В 1864 г. инспектором гимназии был назначен ярый «обруситель» Порфирий Яковлевич Чайковский (?-1916 г.). Вот как характеризовал его деятельность учитель Василий Михайлович Хижняков (1842-1917 гг.): «К обрусительной миссии, настойчиво предписываемой округом, учителя также относились равнодушно, не умея выйти из заученного шаблона и отбывая эту миссию грубо и бестактно. Один только инспектор Чайковский очень усердствовал в этом отношении. Он был женат на польке и всеми силами старался показать начальству, что он не потакает полякам. Он особенно преследовал учеников поляков, грубо придирался к ним и за всякие пустяки сажал их в карцер. Также грубо и резко до неприличия относился он к родителям полякам, приходившим иногда в гимназию за справками о сыновьях»¹⁰.

Хижняков (перед Февральской революцией он стал председателем Черниговской губернской земской управы) дал также характеристику и директору гимназии: «Директором был почтенный, чрезвычайно симпатичный старик Вронский. (...) Вронский был из униатов. Семья его, состоявшая из прекрасной старушки жены и двух взрослых дочерей, постоянно говорила по-польски, а по-русски объяснялась с трудом. Так как в то время, как известно, очередным вопросом внутренней политики в западных губерниях было «обрусение» края, и массы нахлынувших русских чиновников – обрусителей – громко поднимался патриотический голос во вкусе нынешних националистов, – то такая семья была для служебного положения Вронского большим минусом»¹¹. Вскоре, в 1865 г. Карл Вронский был отправлен на пенсию, то ли по старости, то ли за его униатское прошлое. Новым директором гимназии с 31 июля стал Стефан Федорович Куклинский (1828?-1891?), активно занимавшийся историческими и языковедческими исследованиями Полесья и Подляшья.

«Обвинив все местные гимназии в том, что они воспитывали своих учеников в ненависти ко всему русскому и царизму, а их выпускники, поступая в

¹⁰ Хижняков В. Воспоминания земского деятеля. Петроград, 1916. С. 65.

¹¹ Там же. С. 64.

высшие учебные заведения, вносили в них «революционные и социальные идеи, которые отразились и в русском молодом обществе грустными фактами»¹², местная администрация предложила закрыть часть из них. Их оставили только в губернских городах, так как там начальство имело возможность бдительно за ними наблюдать; кроме того, именно в этих городах проживало наибольшее число русских чиновников. В уездных городах можно было оставить гимназии в виде исключения при условии, если окрестное население по преимуществу состоит из православных. Так были закрыты Свислочская прогимназия и Новогрудская гимназия (последняя вскоре была вновь открыта).

Кроме того, власти бдительно следили за тем, чтобы ограничивался прием в средние учебные заведения детей польских дворян, хотя в уставе для средней школы от 19 ноября 1864 г. среднее образование объявлялось открытым без всяких ограничений для всего населения России. Как писал в 1865 г. помощник виленского генерал-губернатора Потапова, «главное — уменьшить в гимназиях наплыв учеников из шляхты»¹³. В результате с 1862 г. по 1 января 1866 г. число учеников православного исповедания в гимназиях увеличилось на 33%, а католического вероисповедания уменьшилось на 56%»¹⁴. Вокруг Пинска жили в большинстве православные, многие из которых не были раньше униатами, даже окрестная шляхта была в основном православной. Поэтому ликвидировать полностью Пинскую гимназию резона не было. Однако гимназия находилась в списке неблагонадежных. Наверно, поэтому ее 31 июня 1865 г. преобразовали сначала в реальную гимназию, а в 1872 г. — в реальное училище.

Конечно, жесткая государственная политика русификации учебного процесса в Пинской гимназии (потом в реальном училище) достигла определенных успехов. Однако, несмотря на мощный пресс официальной идеологической обработки и русификации, не удалось полностью задушить свободомыслие и польский патриотизм учащихся. Так, в 70-е годы XIX в. в Пинском реальном училище учились видные народники: Осип Николаев, Константин Борисевич, братья Владимир и Виктор Кранихфельды и другие. Можно предположить, что в учебном заведении был народнический кружок, а в 80-е годы уже действовал крупный кружок первой польской марксистской партии «Пролетариат», членами которого были видные ее деятели: Болеслав Енджеевский, Софья Сандберг, Казимир Варпеховский и др. Да и в Первую русскую революцию реальное училище стало одним из центров революционной и национальной борьбы в Пинске.

¹² Литовский государственный исторический архив. Ф. 378. ОО. 1864 г. Д. 1652. Л. 22-25.

¹³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л.62 об.

¹⁴ Самбук С. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 36-37.